О пользе похвалы

Солистка Мариинского театра **ДИАНА ВИШНЁВА** о «Большом балете», русской школе, скучных спектаклях и прокачанных мышцах

Интервью ПОЛИНА СУРНИНА

Диана, на телеканале «Россия К» сейчас показывают проект «Большой балет». Вы возглавляете жюри этого балетного конкурса, в котором принимают участие семь пар из Большого, Мариинки, Театра Станиславского и Немировича-Данченко, а также театров оперы и балета Казани, Екатеринбурга и Перми. Насколько в мире балета – все же это не спорт – важен именно азарт? Зачем нужен был соревновательный момент?

Вы знаете, я не воспринимала этот проект как конкурс. Собралось высокопрофессиональное жюри, и участникам была важна не столько победа, сколько возможность услышать наше мнение по поводу их выступлений. Мы старались объяснить начинающим танцовщикам, на что им нужно →

ФОТО. ПРЕСС-СЛУЖБА

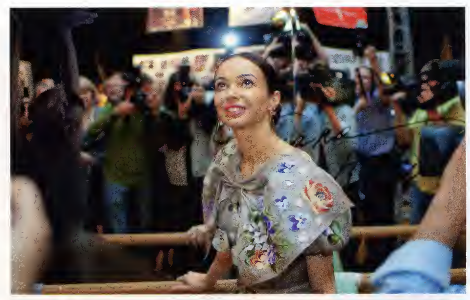
обратить внимание при выборе ролей и в работе над ними. Сами номера мы оценивали доброжелательно – тем более что оценки зависели не только от танцовщиков, но и от уровня хореографии и количества времени, потраченного на разучивание материала. Так что мне не кажется, что «Большой балет» – это в первую очередь конкурс. В нем не было проигравших. Я уверена, что дни, проведенные вместе с нами, помогли молодым танцовщикам получить дополнительный импульс к творчеству.

Для съемок в программе вам приходилось постоянно летать из Санкт-Петербурга в Москву и обратно. Вы сразу согласились участвовать, несмотря на такие жесткие условия?

Нет, не сразу. Я не очень люблю телевизионные шоу, особенно если они связаны с балетом. Но меня убедили в том, что проект будет сделан на высоком художественном уровне. Дали слово, что ничего не станет придумываться на потребу телевизионным рейтингам и все решения действительно будут за жюри. Я согласилась и не пожалела об этом. Мне кажется, «Большой балет» может найти отклик в сердцах телезрителей и пробудить у них интерес к нашему искусству.

Вы сами хотели бы «пересмотреть» какие-то важные давние встречи с мастерами? Вспомнить, что они говорили вам тогда?

В своей жизни я участвовала только в одном конкурсе – *Prix de Lausanne*, мне было 17 лет, и там у меня не было возможности услышать мнения и суждения жюри. Но рядом со мной всегда были люди, имена которых сейчас уже становятся легендами: педагоги Вагановского училища, репетиторы Мариинского театра, балетмейстеры. Оглядываясь на свой опыт, я вспоминаю, как часто меня критиковали, забывая хвалить, и не всегда эта критика была объективной. Мне кажется, нужно помнить о том, что в определенные периоды развития похвала и внимание могут принести гораздо больше пользы. Но при этом могу сказать, что даже самая жесткая критика никогда не мешала мне идти своим путем, потому что учиться видеть, размышлять и совершенствоваться нужно самостоятельно.

В прошлом году в честь 15-летия творческой деятельности Дианы в Санкт-Петербургском музее театрального и музыкального искусства прошла выставка «Движение никогда не лжет»

МЕНЯ ЧАСТО КРИТИКОВАЛИ, ЗАБЫВАЯ ХВАЛИТЬ, И НЕ ВСЕГДА ЭТА КРИТИКА БЫЛА ОБЪЕКТИВНОЙ

Есть ли у кого-то из участников шанс стать всемирно известным танцовщиком?

Конечно. Театры ведь отправляли на этот проект своих лучших молодых артистов. Поэтому среди участников были и уже всемирно известные танцовщики – как, например, Сергей Полунин, и те, кто уже громко заявил о себе на сцене Большого театра, и те, для кого проект должен стать определенным стартом в карьере. Но при всем этом пока трудно сказать, как сложится судьба каждого. Многое зависит от того, в каком театре работает танцовщик, насколько он там загружен, какой у этого театра репертуар. От того, удастся ли ему избежать серьезных травм. Важно и то, что происходит у человека вне профессии.

В Вагановском училище, выпускницей которого вы являетесь, как известно, не только учат балету, но и прививают определенный вкус, умение держать себя. Воспитывают ли где-нибудь за границей кого-то, подобного вагановкам?

Конечно, есть сильные школы – французская, английская, кубинская. Но русскую школу видно всегда: апломб, форма, дыхание в движении, традиции, передающиеся из поколения в поколение, делают танец узнаваемым. В больших балетных компаниях с классическим репертуаром всегда можно встретить танцовщиков из России.

Есть некоторое количество зрителей и критиков, которые считают, что старые балеты хранить не нужно. Что смотреть их скучно и настоящего удовольствия от, предположим, классической «Спящей красавицы» не получить. Что вы по этому поводу думаете?

Я думаю, что наследие и шедевры классического репертуара, безусловно, нужно сохранять. Наряду с этим должна развиваться и находить своего зрителя современная хореография. Скучные и плохие спектакли есть как в классике, так и в современном репертуаре. Нужно, чтобы зритель приходил в театр в ожидании чуда и уходил наполненный яркими эмоциями.

Балет постоянно меняется, и, в частности, все время возрастают требования к технике, что роднит балет со спортом или даже с цирком. Он все больше ассоциируется с прокачанными мышцами, а не красотой танца. Вы согласны? →

ФОТО: ПРЕСС-СЛУЖБА

Диана Вишнёва и солист Гамбургского балета Тьяго Бордин в одноактном балете «Диалог», поставленном Джоном Ноймайером на музыку Фредерика Момпу «Вариации на темы Шопена»

Да, есть техническое оснащение, и часто оно воодушевляет публику, но это техническое оснащение должно соприкасаться с культурой танца. Я часто вижу, как танцовщики, особенно молодые, увлекаются техникой, не придавая значения смыслу ролей, хореографии, стилю. Однако если «прокачанные мышцы» не противоречат эстетике танца, то я вижу в этом красоту тела. Меня больше расстраивает, когда танцовщик не поддерживает свое тело в форме, но при этом выходит на сцену.

ЧАСТО ТАНЦОВЩИКИ УВЛЕКАЮТСЯ ТЕХНИКОЙ, НЕ ПРИДАВАЯ ЗНАЧЕНИЯ СМЫСЛУ РОЛЕЙ, ХОРЕОГРАФИИ

Когда вы танцуете классику и современный танец, вы ощущаете свое тело по-разному?
Безусловно, ведь с каждым хореографом – своя история, своя жизнь. Есть стили, более адаптированные к классике, и есть стили, требующие специальной работы. Освоить их для танцовщика, имеющего классическую базу, – это вопрос времени, усердия и во многом ума. Овладение новым стилем часто бывает травмоопасным. Тело сопротивляется непривычным движениям, и стоит заранее задуматься о том, насколько глубоко ты готов в это направление погрузиться. Вспоминая перед премьерой спектакля первые шаги, ты осознаешь, что новый стиль способен поменять тебя не только физически, но и внутренне. Мне очень нравится внедряться в компании хореографов, с которыми я сотрудничаю. На какое-то время я становлюсь частью труппы, и это помогает быстрее освоить новое.

Помимо балета вы успеваете много всего другого – сняться у Хамдамова в фильме «Бриллианты», например. Или стать героиней фотосессии Патрика Демаршелье. Почему вы соглашаетесь?
Кино и фотография – близкие балету виды искусства. Поэтому у меня никогда даже мысли не возникает отказываться от подобных предложений. Я знаю, как ценно для меня поработать с такими людьми, создать что-то вместе с ними.

Кто из хореографов для вас объект восхищения?
Пина Бауш, Йиржи Килиан, Уильям Форсайт, Матс Эк. Как ни парадоксально, эти хореографы в силу их гениальности затормозили развитие хореографии. Слишком велик соблазн им подражать, чем многие и занимаются. Но они, разумеется, остаются непревзойденными.

Подолгу ли вы вынашиваете идеи собственных проектов – таких как «Диалоги», например. Кого из хореографов хотели бы пригласить в следующие?
Да, это действительно занимает много времени. Как правило – год-два. В «Диалогах» я танцую балет *Errand into the Maze*, поставленный знаменитой американской танцовщицей и хореографом Мартой Грэм в 1947 году. Я увидела записи Грэм 10 лет назад, а в 2010 году впервые посетила выступление труппы *Martha Graham Dance Company* в Нью-Йорке. Так что можно сказать, что от возникновения идеи до реализации прошел не год и не два. Но я горжусь, что первая показала хореографию Грэм российскому зрителю.
Безусловно, бывает и по-другому. Джон Ноймайер, с которым мы много лет знакомы и часто вместе работаем, создал для меня одноактный балет «Диалог» всего лишь за два месяца до премьеры в Мариинском театре нашей программы «Диалоги». Мне бы не хотелось сейчас раскрывать темы новых проектов, многое пока находится в процессе обсуждения. Но могу сказать – планов достаточно много.

Хотите ли вы ставить спектакли сами?
Я не балетмейстер, и у меня никогда не возникало такого желания. Во время постановки и в процессе совместного творчества я могу помогать хореографу, пробуя разные варианты танца, который он ставит.

Где еще вас можно будет увидеть в ноябре?
6 ноября я танцую один из своих любимых спектаклей – «Даму с камелиями» Джона Ноймайера – с труппой Гамбургского балета на сцене Михайловского театра в Санкт-Петербурге. Мы впервые показываем этот спектакль в России, до этого я танцевала его только на сцене Метрополитен-опера в Нью-Йорке. Ноябрь будет очень насыщен спектаклями, репетициями, перелетами. Помимо гастролей с Гамбургским балетом в Петербурге я выступлю с Мариинским театром в Токио, где исполню партии классического репертуара. В конце месяца отправлюсь в Италию, где начну сотрудничество с труппой балета Мориса Бежара. И затем вновь вернусь в Гамбург готовиться к премьере в балете Джона Ноймайера *Illusions – like Swan Lake*.

ФОТО: ПРЕСС-СЛУЖБА